

А. Ю. Ширяев
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

**УЧЕНИЕ О СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА
П. А. ФЕЙЕРБАХА**

Предметом исследования являются междисциплинарные взаимосвязи уголовно-правового института основания уголовной ответственности и уголовно-процессуальных институтов уголовного преследования и предмета доказывания, разработанные в трудах основоположника классической науки уголовного права П. А. Фейербаха. Цель исследования – проанализировать особенности развития П. А. Фейербахом понятия состава преступления в сравнении с его историческим процессуальным прототипом, появившимся в XVI в. (corpus delicti), а также определить место учения о составе преступления в прагматической концепции уголовного права П. А. Фейербаха, включающей в себя уголовное делопроизводство как его составную часть.

Изучены оригиналы трудов ученого (одиннадцатое издание учебника по уголовному праву 1832 г.), первые переводы его работ на русский язык (1810 и 1827 г.) и иные теоретические источники. Установлено, что система науки уголовного права П. А. Фейербаха включает в себя три части: Общую, Особенную и «прагматическую» (судопроизводство). Состав преступления в этой системе занимает особое место, потому что разработан как материально-процессуальная конструкция для уголовно-процессуального познания релевантных фактов, обеспечивающая фактические условия для виновного вменения и выступающая началом инициирования неперсонифицированного уголовного преследования.

Ключевые слова: состав преступления, вина, умысел, прагматическая модель уголовного права, субъективное вменение

Для цитирования

Ширяев А. Ю. Учение о составе преступления в прагматической концепции уголовного права П. А. Фейербаха // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 53–61. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_53.

УДК 343

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_53

В 1810 г. в Санкт-Петербурге была издана в русском переводе первая книга учебника уголовного права немецкого криминалиста Пауля Ансельма Фейербаха «Уголовное право. Сочинение доктора Павла Ансельма Фейербаха». Вторая и третья книги были опубликованы в Санкт-Петербурге следом за первой в 1811 и 1827 г. соответственно.

По оценке Г. С. Фельдштейна, исследователя истории отечественной уголовно-правовой науки, курсу П. А. Фейербаха «было суждено сыграть решающую роль в применении к русской науке» [Фельдштейн 2003:

291–292]. По мнению Г. С. Фельдштейна, именно этот труд дал толчок к развитию научно-догматической обработки нашего уголовного права [Там же: 291]. Перевод учебника П. А. Фейербаха, по его словам, «послужил фактически путеводной нитью, которая помогла русской науке выбраться из лабиринта „памятников“ и собраний указов на равнине научно-догматического построения уголовного законодательства» [Там же: 292].

Труд П. А. Фейербаха представляет собой системное изложение учения об уголовном праве. Система уголовного права П. А. Фей-

ербаха состоит из трех частей, каждой из которых отведена отдельная книга. Именно в этой работе получило развитие и стало таким, каким оно является и в настоящее время в странах семьи континентального права, учение П. А. Фейербаха о составе преступления.

Исследователи обыкновенно полагают, что понятие состава преступления, которое возникло исключительно как процессуальное понятие набора улик, необходимых для начала «общего разыскания»¹, в доктрине П. А. Фейербаха стало строго уголовно-правовым термином и полностью утратило свое первоначальное процессуальное значение [Учение о составе преступления 2009: 241–243]. При этом упускается из виду то, что П. А. Фейербах разработал концепцию уголовного права, которая сочетает в себе и уголовно-правовые, и уголовно-процессуальные элементы одной общей науки уголовного права.

Обращает на себя внимание тот факт, что русский переводчик счел необходимым разместить на титульном листе первой книги цитату, принадлежащую Екатерине Великой: «Лучше простить десять виновных, нежели наказать одного невинного». Уже исходя из этого можно предположить, что важной задачей труда П. А. Фейербаха и своей работы переводчик видел преодоление ошибочности уголовно-судебного познания.

По П. А. Фейербаху, части системы уголовного права следующие: всеобщая, или философическая (философская), позитивная, или особенная, и прагматическая [Feuerbach 1832: 111; Фельдштейн 2003: 331] (в русском переводе XIX в. – «делопроизводство уголовного права») [Фейербах 1827: 1]. Такое деление основано на началах построения научных систем того времени; представляется, что оно не утратило значения и сейчас. Так, три части рассматриваемой концепции уголовного права соответствуют «трем основным моментам» в учении философа Г. Е. Струве: принципам (основным положениям) системы, содержанию или материи системы и, наконец, форме или формам системы, определяющим порядок вывода всех частных положений [Струве 2018: 141–142].

¹ «Общее разыскание» означает инициирование уголовного преследования по самому факту криминального события, когда подозреваемое лицо не установлено.

Книга разделена на главы, главы – на отделения, отделения – на подразделения, которые в свою очередь разбиты на параграфы, объединенные сквозной нумерацией. Все это говорит о концептуальном единстве трехчленной системы уголовного права.

Во всеобщей (философической) части во втором отделении главы второй, озаглавленной «О качестве наказательного закона и применении», автор излагает предпосылки (условия) уголовной ответственности, а затем – назначения наказания, объединенные общим понятием условий (оснований) наказуемости (*Gründe der Strafbarkeit*) [Feuerbach 1832]. Условия, или предпосылки, уголовной ответственности автор называет основаниями абсолютной (безусловной) наказуемости², а предпосылки назначения наказания – основаниями относительной (релятивной) наказуемости [Ibid].

П. А. Фейербах делил основания абсолютной наказуемости на два вида: объективное основание и субъективные основания [Ibid: 62, 64]. В русском переводе употреблены термины «предлежательное основание» и «подлежательные основания» соответственно [Фейербах 1810: 78, 82].

Объективное основание абсолютной наказуемости (*objective Grund der absoluten Strafbarkeit*), как видно из самого названия, есть нечто одно в отличие от некоего множества субъективных оснований. Использование метафоры тела в историческом названии состава преступления, по нашему мнению, вовсе не случайно (*corpus delicti* в переводе с латинского – «тело преступления»). Одно взаимосвязанное целое, существование которого абсолютно достоверно и которое объективно познаваемо с точки зрения материальной истины, – это сущность, обладающая физическим телом. Вместе с тем признаки и следы «живого деяния» несут на себе от-

² Немецкий термин *Verantwortlichkeit*, означающий «ответственность», в работах немецких и русских криминалистов XIX в. не встречается. Впервые понятие ответственности появляется у Франца фон Листа в его учебнике уголовного права, изданного в России в переводе с немецкого в 1903 г. Понятие же наказуемости в историческом аспекте представляет особый интерес, так как П. А. Фейербах считал «наказуемость» (*Strafbarkeit*) общим понятием и для оснований уголовной ответственности (абсолютная наказуемость), и для начал назначения наказания (относительная наказуемость). Первым и исходным абсолютным основанием наказуемости и выступает состав преступления.

печаток фактического проявления воли, которое есть необходимое условие для подведения факта под норму. П. А. Фейербах определял содержание этого единого объективного основания абсолютной наказуемости как «совокупность признаков особенно-го деяния или факта, которыми согласно законодательному понятию определяется вид противоправного деяния» [Feuerbach 1832: 62]. Заметим, что немецкий криминалист имел в виду признаки именно деяния или факта, а не преступления. По П. А. Фейербаху состав преступления соответствует только видовому, а не родовому (общему) законодательному понятию преступления. Отсюда следует, что состав преступления обозначает только признаки всякого уголовно наказуемого деяния вообще.

Это и есть знаменитое разработанное П. А. Фейербахом понятие состава преступления, обозначаемое в труде двумя равнозначными терминами – немецким *Thatbestand des Verbrechens* и латинским *corpus delicti*. Немецкий термин переведен в русском издании 1810 г. как «подлинное состояние преступления», а не «состав преступления» с указанием в скобках термина *corpus delicti* так же, как у П. А. Фейербаха. «Состав преступления» как русский эквивалент терминов *Thatbestand des Verbrechens* и *corpus delicti* появился в трудах русских криминалистов в XIX в., но значительно позже. Первый же вариант перевода не случаен. Он более соответствует по значению изначальному средневековому юридическому понятию *constare de delicto*, обозначающему неопровержимые доказательства преступления [Учение о составе преступления 2009: 241] и образованному посредством слова, выражающего именно состояние, «константность» какого-либо явления¹ [Скорина, Чуракова 1999: 303].

Возникает вопрос: почему состав преступления («подлинное состояние преступления») включен автором в единое «объективное основание наказуемости», а множество «субъективных оснований наказуемости» не входят в совокупность признаков состава преступления? Этот вопрос вызывает чрезвычайный интерес, потому что, как мы еще увидим далее, в совокупность признаков состава преступления по П. А. Фейербаху входят часто,

но не всегда такие субъективные признаки, которые определяют умышленный характер вида противоправного деяния [Фейербах 1810: 79–80].

Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо обратиться к истории возникновения понятия «состав преступления».

В 1581 г. итальянский юрист П. Фаринациус впервые употребил термин *corpus delicti* для обозначения доказанных фактов совершения преступного деяния, которые считались достаточными для начала «общего разыскания», когда фигурант по делу не установлен [Учение о составе преступления 2009: 240–241]. С 1796 г. немецкие правоведы начали использовать термин *Thatbestand* (в современном написании – *Tatbestand*) наряду с первоначальным латинским выражением. Считается, что словосочетание «состав преступления», возникшее как процессуальное понятие, стало трактоваться П. А. Фейербахом исключительно в материально-правовом значении, утрачивая свой первоначальный смысл.

Однако такой вывод нельзя признать обоснованным. Стоит обратить внимание на недостаточно изученные важные корреляции между материально-правовым и процессуальным значениями понятия *corpus delicti* в труде П. А. Фейербаха. Они заслуживают особого внимания уже в силу уникальности исследуемого понятия, ведь состав преступления именно как *corpus delicti* – это единственное понятие, связывающие разные эпохи и национальные системы в мировой криминалистике.

В перечень признаков «объективного основания наказуемости» П. А. Фейербах включил субъективные признаки «определенное намерение» и «определенное побуждение воли», указывающие на умышленный характер деяния [Фейербах 1810: 79–80]. Эти признаки хотя и субъективны, но в системе П. А. Фейербаха не привязаны к вине или виновности преступника, поскольку характеризуют деяние как объективное событие. Включенные в состав преступления субъективные признаки отражают умышленный характер деяния нейтрально с точки зрения виновного вменения в отличие от «субъективных оснований наказуемости» [Там же: 82–87].

Отнесение П. А. Фейербахом состава преступления (*corpus delicti*) к объективно-

¹ *Constans* – постоянный, неизменный, прочный (лат.); *constat* – известно (лат.).

му основанию уголовной ответственности, как представляется, обосновывается двумя взаимосвязанными факторами; оба они свидетельствуют о взаимной обусловленности материальных и процессуальных функций этого понятия. Во-первых, состав преступления по П. А. Фейербаху определяет только «особенное деяние», которое запрещено нормой объективного права, т. е. деяние, состав которого описан в позитивной (Особенной) части уголовного права. Во-вторых, состав преступления – совокупность признаков, имеющих объективное выражение, т. е. объективируемых, проявляющихся фактически, познаваемых и доказываемых как факт объективной действительности¹. Этот факт существует в объективной реальности и подлежит расследованию вне зависимости от того, установлены ли личность преступника и вина конкретного лица. Вместе с тем, будучи отчужденным от конкретного автора, указанный объективный факт должен сам по себе либо нести определенный отпечаток целенаправленных усилий, свидетельствующих об умысле, либо, если нет таких данных, указывать только на неосторожность.

Как видим, по П. А. Фейербаху объективность существования уголовно-правового запрета взаимосвязана с объективностью факта совершения деяния, посредством которого запрет нарушается. При этом наличие умысла есть необходимый атрибут и запрета определенных умышленных деяний, и объективного факта, нарушающего запрет. При отсутствии признаков умысла отсутствует факт нарушения нормы, предусматривающей ответственность за умышленное деяние, и всякое применение уголовного закона становится невозможным, как и ход уголовного судопроизводства.

Деление этапов уголовного процесса на общее и специальное разыскание сохраняет значение и в наши дни. В отечественной науке уголовного процесса стадии процесса, обеспечивающие неотвратимость наказания, подразделяются на неперсонифицированное и персонифицированное уголовное преследование [Баев 2017: 16]. Задача неперсонифицированного преследования, называемого также опосредованным, – установить событие преступления, чтобы на основе проведенной реконструкции криминального факта изобличить лицо, совершившее преступление [Там же: 16, 20].

Согласно П. А. Фейербаху, объективное основание абсолютной наказуемости, т. е. состав преступления, характеризуют не только определенное противозаконное последствие деяния, но часто и некоторые подлежательные (субъективные), скрывающиеся в душе преступника основания неправомерного деяния: определенное намерение или определенное побуждение воли [Фейербах 1810: 79–80]². Намерение и побуждение воли мы можем называть психологическим составом деяния или субъективно-объективными признаками состава преступного деяния, непосредственно связанными с внешним проявлением преступления, в совокупности с последним выражающими сам противоправный вид (тип) запрещенного поведения.

Умысел как вина введен П. А. Фейербахом только в разделе о «субъективных основаниях абсолютной наказуемости», где вместо нейтральных понятий «намерение» и «вид побуждения воли» (*Absicht, Art der Willensbestimmung*) появился латинский юридический термин *dolus*, переведенный на русский язык как «злое намерение» [Там же: 83, 87]. Мы видим, что терминологически умысел и умышленная вина четко разделены П. А. Фейербахом, как разделены они и функционально по отношению к видам оснований наказуемости.

Умысел и побуждение воли в «подлинном состоянии преступления» образуют только объективное основание уголовной ответственности и обозначаются чисто психологическими терминами, не имеющими в немецком языке негативной коннотации [Фристер 2013: 223–224] и широко используемыми в психологической науке [Рождественский 2004: 11].

«Известное внешнее проявление» деяния и «противозаконное последствие» деяния как внешние составляющие объективного «под-

¹ С этой точки зрения такой признак субъекта, как физическое лицо, полностью объективен и является необходимой конститuentой для установления процессуально значимого факта деяния.

² Немецкое выражение *eine gewisse Art der Willensbestimmung* можно перевести и как «известное побуждение воли», и как «известный вид волевого определения».

линного состояния преступления» всегда суть результат соответствующей объективации известного намерения или побуждения воли и только во взаимосвязи с последними получают полное и точное определение как тот или иной вид осуществления воли всяким человеком.

Определяя «подлежащее (субъективное) основание всякой наказуемости», П. А. Фейербах говорил, что оно состоит в душевном качестве самого преступника, которое для предлежащего случая (объективного факта) преступления основало в нем психологическую возможность действия наказательного закона [Фейербах 1810: 82]. Душевное качество, которое служит основанием для наказания человека, называется вменяемостью [Там же]. Основания или причины вменяемости есть всеобщие условия всякого наказания, необходимые предположения для наказания как злого намерения (*dolus*), так и неосмотрительности (*culpa*) [Там же: 83]. Как уже было сказано, перечисленные элементы выведены за пределы «подлинного состояния преступления», поскольку характеризуют уже не объективный факт, а состояние лица, совершившего запрещенное деяние.

Вина (злое намерение или неосмотрительность) связана с психологической возможностью воздействия уголовного закона на волю преступника в момент совершения деяния. Эта возможность осуществляется путем устрашения и сформулирована в теории психологического принуждения, объясняющей саму основу виновного вменения [Feuerbach 1832: 13–19]. Вина – факт внутреннего выбора в пользу преступного деяния при наличии возможности сделать выбор в пользу права. Намерение (умысел) и побуждение воли как признаки объективного основания наказуемости характеризуют сам процесс реализации выбранного действия в объективной реальности. Можно сказать, что, с точки зрения П. А. Фейербаха, основание уголовной ответственности не двухчленно, разделение на объективные и субъективные признаки он считал недостаточным. Ученый делил признаки, образующие систему предпосылок уголовной ответственности, на три класса: объективные (внешние), субъективно-объективные (проявляющиеся во внешних) и строго субъективные (обусловленные внутренним состоянием субъекта). Следует признать, что такое «разборчивое» деление проведено,

чтобы обеспечить достоверность процессуального познания события преступления и обоснованность вменения вины. Ступени вменения вины соответствуют стадиям процессуального познания.

Состав преступления по Фейербаху – это в первую очередь инструмент исследования факта объективной реальности, не предназначенный для изучения личности преступника и его сознания. Именно поэтому состав преступления и отнесен к «объективному основанию абсолютной наказуемости». Поскольку в объективной реальности действует человек, т. е. субъект, постольку и объективное основание содержит психологические характеристики деятельности. Конструируя событие умышленного преступления, мы должны знать с известной степенью достоверности хотя бы общий замысел действующего лица, непосредственно характеризующий вид противоправного деяния.

Состав преступления по Фейербаху – это в первую очередь инструмент исследования факта объективной реальности, не предназначенный для изучения личности преступника и его сознания

В русском переводе содержание «предлежащего (объективного) основания абсолютной наказуемости» раскрывается следующим образом: «Предлежащее основание всякой наказуемости зависит от учиненного противозаконного дела, которое состоит под угрозательным наказательным законом» [Фейербах 1810: 78]. Соответствующую фразу в оригинале мы предложили бы перевести так: «Объективное основание всякой наказуемости есть наличность факта [*ist das Vorhandensein eine Tatsache*], который находится под угрозой наказания уголовным законом» [Feuerbach 1832: 62]. В оригинале нет слова «противозаконного». П. А. Фейербах указывал на то, что для объективного основания наказуемости достаточно наличия факта (дела), который (которое) формально подпадает под признаки запрещенного уголовным законом деяния.

В начале XX в. термин *corpus delicti* продолжили использовать австро-немецкие криминалисты, например Г. Гросс, в его пер-

воначальном процессуальном значении набора фактов для конструирования расследуемого события [Гросс 2002: 169]. Такое употребление термина вполне в духе учения П. А. Фейербаха, просто акцент смещен с признаков юридической нормы на соответствующий объем фактов. Это говорит в пользу сочетания материального и процессуального аспектов в понятии *corpus delicti*.

Отметим, что понятие состава преступления в системе П. А. Фейербаха вполне согласуется с разработанным впоследствии Эрнстом Белингом понятием состава деяния (*Tatbestand*) как абриса или контура типа преступления (*Umriss des Verbrechenstypus*) [Beling 1906: 110]. О преемстве их учений свидетельствует то, что П. А. Фейербах в начале XIX в. заложил основание и предопределил пути развития современной немецкой доктрины, ведь концепция Э. Белинга сформулирована уже в рамках современной немецкой криминалистики [Roxin 2006: 278].

Факт совершения деяния представляет собой осуществление намерения, т. е. объективацию замысла субъекта посредством совершения действий¹. С этой точки зрения осуществление умысла суть объективный факт и основа для виновного вменения. Вместе с тем способность субъекта к правильному волеобразованию лежит за пределами сферы объективных фактов в их обычном понимании. Способность к вменению суть психологическая возможность воздействия уголовного закона на волю субъекта, которая исследуется отдельно от факта осуществления воли и совершенно иным образом. В большинстве ситуаций вменяемость предполагается, является фактической презумпцией [Смирнов, Калиновский 2008: 223]. В любом случае вменяемость, выступая необходимым условием виновного вменения, в отличие от умысла не находит объективного проявления в событии преступления.

Если в связи с подозрением в неспособности отвечать за совершенное деяние субъект подвергается специальному исследованию и признается невменяемым, то совершение умышленного деяния, запрещенного уголовным законом, образует объективный юридический факт, составляющий основание для

¹ Причем имеется в виду «активная сторона» действия, в отличие от пассивного наступившего результата.

применения принудительных мер медицинского характера. В таком случае необходимо доказать факт совершения именно умышленного деяния, чтобы квалифицировать действия по соответствующей норме, предусматривающей ответственность за умышленное общественно опасное деяние.

Прагматизм концепции П. А. Фейербаха проявляется не только в формальном построении системы уголовного права, органически включающей в себя делопроизводство как прагматическую часть.

Мы видим, что понятие *corpus delicti* в системе П. А. Фейербаха является процессуально адаптированным, «инструментальным», объединяет содержание уголовно-правовой нормы с объемом фактов, необходимых для применения материальной нормы в ходе уголовного преследования. Действительно, понятие состава преступления в учении П. А. Фейербаха развито до материально-правового понятия и в то же время не утрачивает процессуального значения *corpus delicti* Фаринациуса, но развивает его и превосходит. Состав преступления определяет как объем, так и содержание фактов, достаточных для начала уголовного судопроизводства. Содержание имеет материально-правовое значение, объем – процессуальное.

Такие субъективные признаки, как физическое лицо и умышленный характер действия (в составе умышленного преступления), как и деяние и последствие – обязательные атрибуты *corpus delicti* как объективного основания абсолютной наказуемости. Вменяемость, возраст преступника, обстоятельства, исключющие преступность деяния, а следовательно, и вина не включены в «подлинное состояние преступления», являются строго субъективными предпосылками ответственности и не влияют на инициирование уголовного преследования. Это положение представляется весьма важным, поскольку, как утверждают современные немецкие криминалисты, «преступление может быть реконструировано и установлено только посредством уголовного процесса» [Шредер, Феррел 2016: 5].

П. А. Фейербах рассматривал применение уголовно-правовой нормы к отдельному преступлению как многоступенчатый процесс реконструкции преступления и привлечения конкретного виновника к ответственности в ходе уголовного судопроизводства [Feuer-

bach 1832: 62]. Поэтому известное намерение и побуждение воли относятся к «подлинному состоянию преступления», а вменяемость и вина – к личному состоянию преступника [Ibid: 63]. Две стадии применения материальной нормы соответствуют двум этапам уголовного преследования. Это соответствие и переход между стадиями обеспечиваются такой объективно-субъективной конструкцией, как состав преступления в том значении, которое он имеет в учении П. А. Фейербаха.

Данная конструкция процессуально необходима, поскольку непersonифицированное уголовное преследование может и должно осуществляться за совершение всякого уголовно наказуемого деяния, в том числе, например, и для выяснения наличия признаков необходимой обороны в действиях лица, получивших предварительную уголовно-право-

вую квалификацию [Меркурьев 2004: 55–56]. С этой точки зрения конструкция состава преступления П. А. Фейербаха весьма практична, так как предполагает ясным образом возможность исключить преступность деяния внешними по отношению к своим элементам обстоятельствами.

В заключение отметим, что П. А. Фейербах, как представляется, разрабатывал свои конструкции на основе принципа материальной истины, подразумевающего взаимобусловленность правильной квалификации и доказанности обстоятельств дела. Состав преступления в учении П. А. Фейербаха как основополагающая объективно-субъективная конструкция лежит в основании всех последующих юридических оценок по делу, как обвинительных, так и реабилитирующих, выступает в качестве абриса.

Список литературы

- Beling E.* Die Lehre vom Verbrechen. Tübingen: Verlag von J. E. B. Mohr (Paul Siebeck), 1906. 548 p.
- Feuerbach P. J. A.* Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts. Eilfte verbesserte Ausgabe. Giessen: Druck und Verlag von Georg Fridrich Heier, 1832. 428 p.
- Roxin C.* Strafrecht. Allgemeiner Teil. 4 neu bearbeitende Aufl. München: C. H. Beck Verlag, 2006. Bd. I: Grundlagen. Der Aufbau der Verbrechenslehre. 1136 p.
- Баев О. Я.* Следователь (основы теории и практики деятельности). М.: Прометей, 2017. 480 с.
- Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М.: ЛексЭст, 2002. 1088 с.
- Меркурьев В. В.* Состав необходимой обороны. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2004. 216 с.
- Рождественский Ю. Т.* Немецко-русский словарь по психологии. 3-е изд., стереотип. М.: РУССО, 2004. 512 с.
- Скорина Л. П., Чуракова Л. П.* Латинский язык для юристов: учеб. пособие / под ред. С. В. Семчинского. М.: Нов. знание, 1999. 448 с.
- Смирнов А. В., Калиновский К. Б.* Уголовный процесс: учеб. М.: Кнорус, 2008. 704 с.
- Струве Г. Е.* Элементарная логика: Учебник для преподавания и самообучения. Стереотип. изд. М.: Кн. дом «Либроком», 2018. 168 с.
- Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: Сравнительно-правовое исследование / под ред. В. С. Коммисарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2009. 549 с.
- Фейербах П. А.* Уголовное право. Кн. 1. СПб.: Мед. тип., 1810. 142 с.
- Фейербах П. А.* Уголовное право. Кн. 2. СПб.: Тип. Император. воспитательного дома, 1827. 118 с.
- Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 542 с.
- Фристер Г.* Уголовное право Германии. Общая часть. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 512 с.
- Шредер Ф.-К., Феррел Т.* Уголовно-процессуальное право Германии / пер. с нем. 5-е изд. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 304 с.

Алексей Юрьевич Ширяев – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 23. E-mail: alexej.schiryaeff2013@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-0152-7934

The Doctrine of the Formal Components of a Crime in P. Feuerbach's Pragmatic Concept of Criminal Law

The focus of the article is on the interdisciplinary links between criminal law institute of establishing criminal liability and criminal procedure institute of criminal prosecution and subject of proof, developed in the works of the founder of the classical science of criminal law – Paul Feuerbach. The aim of the study is to examine the peculiarities of the development of the notion «the formal components of a crime» by P. Feuerbach in comparison with its historical procedural prototype that emerged in the XVI century («corpus delicti»), and to determine the position of the doctrine of the formal components of a crime in the pragmatic concept of criminal law suggested by P. Feuerbach that includes criminal records management as its part.

The research has included studying of the original works by P. Feuerbach (the eleventh edition of the textbook on criminal law in 1832), the first translations of his works into Russian (1810, 1827), and other theoretical sources of information. The study makes it clear that the system of the science of criminal law suggested by P. Feuerbach naturally includes three parts: General, Special and «Pragmatic» (legal proceedings). The notion of the formal components of a crime takes a special position in this system as it was created as a substantive-procedural structure for the criminal procedural cognition of relevant facts, preparing actual conditions for the guilty imputation and viewed on as the beginning of initiating non-personalized criminal prosecution.

Keywords: *formal components of a crime, guilt, intent, pragmatic model of criminal law, subjective imputation*

Recommended citation

Shiryayev A. Yu. Uchenie o sostave prestupleniya v pragmaticheskoi kontseptsii ugolovnogo prava P. A. Feierbakha [The Doctrine of the Formal Components of a Crime in P. Feuerbach's Pragmatic Concept of Criminal Law], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 6, pp. 53–61, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_53.

References

Baev O. Ya. *Sledovatel' (osnovy teorii i praktiki deyatel'nosti)* [Investigator (Theoretical and Practical Foundation of Activity)], Moscow, Prometei, 2017, 480 p.

Beling E. *Die Lehre vom Verbrechen*, Tübingen, Verlag von J. E. B. Mohr (Paul Siebeck), 1906, 548 p.

Fel'dshtein G. S. *Glavnye techeniya v istorii nauki ugolovnogo prava v Rossii* [The Main Trends in the History of the Science of Criminal Law in Russia], Moscow, Zertsalo, 2003, 542 p.

Feuerbach P. A. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], Saint Petersburg, Med. tip., 1810, book 1, 142 p.

Feuerbach P. A. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], Saint Petersburg, Tip. Imperator. vospitatel'nogo doma, 1827, book 2, 118 p.

Feuerbach P. Y. A. *Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts. Eilfte verbesserte Ausgabe*, Giessen, Druck und Verlag von Georg Fridrich Heier, 1832, 428 p.

Frister G. *Ugolovnoe pravo Germanii. Obshchaya chast'* [Criminal Law of Germany. General Part], Moscow, Infotropik Media, 2013, 512 p.

Gross G. *Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovatelei kak sistema kriminalistiki* [A Guide for Criminal Investigators as a System of Criminalistics], Moscow, LeksEst, 2002, 1088 p.

Kommisarova V. S., Korobeeva A. I., Khe Binsuna (eds.) *Uchenie o sostave prestupleniya v ugovnom prave Rossii i Kitaya: Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The Doctrine of the Composition of the Crime in the Criminal Law of Russia and China: Comparative Legal Research], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2009, 549 p.

Merkur'ev V. V. *Sostav neobkhodimoi oborony* [The Composition of the Necessary Defense], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2004, 216 p.

Roxin C. *Strafrecht. Allgemeiner Teil*, München, C. H. Beck Verlag, 2006, Bd. I: Grundlagen. Der Aufbau der Verbrechenslehre, 1136 p.

Rozhdestvenskii Yu. T. *Nemetsko-russkii slovar' po psikhologii* [German-Russian Dictionary of Psychology], Moscow, RUSSO, 2004, 512 p.

Shreder F.-K., Ferrel T. *Ugolovno-protsessual'noe pravo Germanii* [German Criminal Procedural Law], Moscow, Infotropik Media, 2016, 304 p.

Skorina L. P., Churakova L. P. *Latinskii yazyk dlya yuristov* [Latin for Lawyers], Moscow, Nov. znanie, 1999, 448 p.

Smirnov A. V., Kalinovskii K. B. *Ugolovnyi protsess* [Criminal Procedure], Moscow, Knorus, 2008, 704 p.

Struve G. E. *Elementarnaya logika: Uchebnik dlya prepodavaniya i samoobucheniya* [Elementary Logic: A Textbook for Teaching and Self-Study], Moscow, Kn. dom «Librokom», 2018, 168 p.

Alexey Shiryaev – candidate of juridical sciences, lecturer of the Department of criminal law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 23. E-mail: alexej.schiryaeff2013@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-0152-7934

Дата поступления в редакцию / Received: 28.10.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 18.11.2022